

ДИСКУССИИ

НЕКОТОРЫЕ ОБЩИЕ И СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ЧЕРТЫ ВТОРИЧНОГО ЗАКРЕПОЩЕНИЯ В ЧЕХИИ

Н. Ф. Филоненко-Алексеев

Процесс так называемого «второго издания крепостного права» сравнительно недавно стал предметом пристального изучения историков. Исследования за рубежом, прежде всего в европейских странах народной демократии, относятся в подавляющем большинстве к периоду после второй мировой войны¹. При этом следует оговориться, что частично проблемы «вторичного закрепощения» рассматривались в буржуазной историографии XIX — начала XX века. Однако буржуазные историки не применяли термина «второе издание крепостного права». В советской исторической литературе изучение «второго издания крепостничества» в странах Центральной и Восточной Европы (Германии, Чехословакии, Австрии, Польше, Венгрии, Румынии) серьезно началось только в последние годы.

Применительно к Польше и Чехословакии в общей форме эта проблема была разработана в синтетических трудах Института славяноведения АН СССР². Важной вехой на пути ее изучения явилась статья академика С. Д. Сказкина, в которой автор рассмотрел имевшуюся литературу на данную тему (преимущественно о Германии), поставил и предложил свое решение двух коренных вопросов: о сущности барщинно-вольварочной системы хозяйства и ее месте в разложении феодальной формации, а также о причинах возникновения этой новой формы хозяйства в определенное время (преимущественно с XVI в.) и в определенном месте (к востоку от Эльбы)³.

С момента публикации этой статьи советские историки включились в дискуссию о вторичном закрепощении, в которой участвуют ученые ГДР, Польши, Чехословакии, Венгрии⁴. Но на страницах советской печати дискуссия развертывалась, к сожалению, вяло. В 1958 г. появились две работы — Н. М. Пашаевой и автора данной статьи⁵, которые имели

¹ Обзоры исследований см. в статьях: J. Nichtweiss. Zur Frage der zweiten Leibeigenschaft und des sogenannten preussischen Weges der Entwicklung des Kapitalismus in der Landwirtschaft Deutschlands. Журнал «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft» (далее «ZfG»), 1953, № 4; J. Válek. K současnému stavu otázky «druhého nevolnictví» ve středoevropských zemích. Журнал «Časopis Matice Moravské» (далее «СММ»), Roč. 73, 1954; B. Zientara. Z zagadnień spornych tzw. «wtórniego poddaństwa» w Europie Środkowej». Журнал «Przegląd Historyczny» (далее «PH»), 1956, № 1; W. Rusiński. Drogi rozwojowe folwarku pańszczyźnianego. «PH», 1956, N 4; A. Míka. Problém počátku nevolnictví v Čechách. Журнал «Československý časopis historický» (далее «ČSCH»), 1957, № 2; J. Válek. Druhé nevolnictví a původní akumulace v 16. stol. «ČSCH», 1958, № 2.

² См. «История Польши». Т. I. 1-е изд. М. 1955; 2-е изд. М. 1956; «История Чехословакии». Т. I. М. 1956.

³ С. Д. Сказкин. Основные проблемы так называемого «второго издания крепостничества» в Средней и Восточной Европе. «Вопросы истории», 1958, № 2.

⁴ К сожалению, в статье С. Д. Сказкина не освещены точки зрения чехословацких историков по проблеме вторичного закрепощения крестьянства.

⁵ Н. М. Пашаева. Формы эксплуатации крестьян в чешском поместье XVII в. (к вопросу об особенностях вторичного закрепощения крестьянства в Чехии). «Ученые записки» Института славяноведения АН СССР. Т. XVI. 1958; Н. Ф. Филоненко-Алексеев. Второе закрепощение в Чехии и восстание 1679—1680 гг. «Краткие сообщения» Института славяноведения. Т. XXIV. 1958.

непосредственное отношение к дискутируемым проблемам, однако формально не являлись продолжением дискуссии. В 1959 г. была напечатана статья В. М. Лавровского⁶, где автор продолжал научный спор по некоторым вопросам, затронутым С. Д. Сказкиным. Особый интерес представляют высказывания В. М. Лавровского о географических рамках вторичного закрепощения. С. Д. Сказкин ограничивает сферу распространения «второго издания крепостничества» территорией Восточной и Центральной Европы. Он пишет: «Самое так называемое крепостное право Средней и Восточной Европы представляет собою явление, подобное которому мы не находим в Западной Европе»⁷. Соглашаясь с правильной констатацией С. Д. Сказкиным того факта, что в истории имели место два различных пути аграрного развития (переход к денежной ренте в одном случае и к отработочной — в другом), В. М. Лавровский возражает против принятого С. Д. Сказкиным территориального принципа разграничения этих двух типов аграрной эволюции. В. М. Лавровский напомнил результаты исследований Е. А. Косминского, который показал, что тенденция к вторичному закрепощению крестьян наблюдалась и в Англии XIII века⁸. Вывод В. М. Лавровского имеет большое принципиальное значение. Если вторичное закрепощение не ограничивалось рамками Центральной и Восточной Европы, а являлось одной из тенденций развития, присущей в той или иной степени каждой стране, то это означает, что «второе издание крепостничества» является закономерностью развития общества. Следовательно, при изучении этого процесса внимание ученых должно быть привлечено не только к аграрной истории тех стран, где вторичное закрепощение проявилось в очевидной форме, но и к истории тех стран, где оно лишь намечалось в то или иное время как тенденция. Значение вывода В. М. Лавровского состоит также в том, что он позволяет по-новому подойти к вопросу об употреблении самого термина «второе издание крепостничества», который стал предметом довольно оживленного обсуждения среди зарубежных историков.

Во время дискуссии выявилось несколько спорных вопросов (о хронологических рамках «второго издания крепостничества», о сущности этого процесса, о правомерности употребления самого термина «вторичное закрепощение»). Для их разрешения, как нам представляется, прежде всего необходимо определить некоторые общие и специфические черты «второго издания крепостничества». В данной статье на основе анализа доступных автору источников, а также печатной литературы делается попытка решить эту задачу применительно к Чехии.

Высказанные учеными взгляды о хронологических рамках «второго издания крепостного права» показывают, что споры касаются трех узловых пунктов: начала процесса, его завершения и времени ликвидации вторичного закрепощения.

В чехословацкой историографии выявились две противоположные точки зрения в связи с определением начального периода «второго издания крепостничества». Наиболее отчетливо они выражены в статьях А. Мики и Й. Вальки. Первый⁹ придерживается того мнения, что начало процесса относится к послебелогорскому периоду¹⁰ (то есть после 1620 г.). Правда, делает он это не особенно четко. В конце его статьи

⁶ В. М. Лавровский. Некоторые спорные вопросы первоначального накопления. «Вопросы истории», 1959, № 8.

⁷ С. Д. Сказкин. Указ. соч., стр. 102.

⁸ В. М. Лавровский. Указ. соч., стр. 98.

⁹ А. Мика. Указ. соч.

¹⁰ Там же, стр. 229.

указывается, что «до середины XVI в. еще далеко не созрели условия для поворота в сторону крепостничества»¹¹. Тем самым автор дает понять, что точно он может говорить лишь о середине XVI столетия. Другой автор¹² считает, что начало второго закрепощения относится к концу XV или началу XVI в., а его завершение — к первой половине XVII в., хотя он не исключает и возможности окончания процесса во второй половине XVI века¹³.

В «Истории Чехословакии» «второе издание крепостничества» в чешских землях характеризуется как длительный процесс. Начало его датируется примерно концом XV в.¹⁴, но время завершения указывается в книге противоречиво. С одной стороны, утверждается, что в XVI — начале XVII в. основной формой крестьянской повинности была барщина¹⁵, причем подчеркивается, что в этот период помещики будто бы даже исчерпали возможности, связанные с увеличением барщины (отметим, что столетие с четвертью — срок более чем неопределенный в качестве хронологической границы; читателю остается гадать, какое же время — начало, середина или конец XVI в. — явилось завершающим этапом). Получается, что преобладала тогда отработочная рента, и, следовательно, вторичное закрепощение завершилось в XVI — начале XVII века. С другой стороны, в книге дважды подчеркивается¹⁶, что этот процесс закончился во второй четверти XVII века.

В статье Н. М. Пашаевой также приводятся противоречивые данные. В одних случаях указывается середина XV в. (1437 г. — для крестьян, 1463 г. — для челяди)¹⁷ как начало юридического закрепощения сельского населения в Чехии, в других — приводятся иные даты. Например, на стр. 174 говорится, что второе закрепощение в Чехии наблюдалось в XV—XVII веках. На стр. 176 прямо называются рамки его первого этапа: конец XVI — начало XVII века. Несколькими строками ниже говорится: «...на протяжении XV—XVI вв. шел процесс юридического закрепощения крестьянства». Таким образом, автор не обнаружил ясного представления о том, с какого времени можно говорить о начале так называемого «второго издания крепостного права» в Чехии.

В статье нет четкого определения и границ между первым и вторым этапами: автор называет рубежом то конец XVI, то вторую половину XVII века¹⁸. В работе не рассматривается и вопрос о конце второго этапа, а следовательно, и о конечных хронологических рамках всего процесса.

Таким образом, вопрос о хронологических рамках, в особенности о времени начала и завершения вторичного закрепощения, упирается в значительной степени в определение сущности этого исторического явления.

А. Мика, выступая против историков, определяющих вторичное закрепощение прежде всего как юридический акт¹⁹, подчеркивает, что это «единая многогранная социально-экономическая система, которая развилась в одной части мира на завершающей фазе феодальной эпохи»²⁰.

¹¹ Там же, стр. 247.

¹² J. Válek. Druhé nevolnictví a původní akumulace v 16. stol.,

¹³ Там же, стр. 320—321.

¹⁴ «История Чехословакии». Т. I, стр. 200.

¹⁵ Там же, стр. 238.

¹⁶ Там же, стр. 200—201, 268.

¹⁷ Н. М. Пашаева. Указ. соч., стр. 198.

¹⁸ Там же, стр. 176, 177.

¹⁹ А. Мика приводит формулировку, имеющуюся в «Большой советской энциклопедии»: «Второе закрепощение крестьян — прикрепление к земле крестьян, получившее особое распространение главным образом в Восточной Европе (к востоку от р. Эльбы) в 16—18 вв.» (Т. 9, стр. 370—371), в I томе «Истории Чехословакии» (стр. 199—200) и др. См. А. Мика. Указ. соч., стр. 231.

²⁰ А. Мика. Указ. соч., стр. 230.

При этом основной чертой вторичного закрепощения он считает «существенный рост барщинных повинностей и в результате этого и меры эксплуатации»²¹.

И. Валька, не соглашаясь с А. Микой²², предлагает иную формулировку, понимая под крепостничеством «тяжелую личную зависимость крестьян от помещиков, характеризующуюся прикреплением к земле, рядом установлений, ограничивавших свободу действий крестьян-подданных в отношении своей личности и имущества, ...состояние усиленной эксплуатации, в особенности высоких барщин»²³. Автор подчеркивает, что «только так и можно понимать крепостничество». Тут же он добавляет: крепостничество — это «усиленное зависимое состояние, если понимать последнее как феодальную зависимость вообще как с экономической, так и с внеэкономической стороны»²⁴. При этом, ссылаясь на советские и чехословацкие работы, И. Валька называет в качестве главного признака крепостничества «факт личной зависимости, выраженный в особенности законами о прикреплении к земле»²⁵. Таким образом, на первый план он выдвигает юридические признаки.

В аргументации И. Вальки важное место занимает терминология изучаемой эпохи. Например, он пишет, что патентом 1781 г. об отмене крепостного права барщина не рассматривалась в качестве признака крепостничества, поскольку барщинные повинности оставались в силе²⁶. В другом месте автор отмечает: если признавать преобладание барщины за единственный критерий крепостничества, то можно прийти к абсурдному выводу, что патент Иосифа II об отмене крепостного права не имел якобы никакого отношения к крепостничеству²⁷.

Нам представляется, что, привлекая для своих доказательств терминологию изучаемого времени, И. Валька допускает известную неточность. Разумеется, эту терминологию необходимо изучать при исследовании социально-экономических отношений того или иного периода. Но исследователь должен остерегаться слишком доверительно относиться к ней, в особенности, если это касается истории средних веков и нового времени. Некритический подход к терминам, употребляющимся в старых документах, может привести к ошибочным выводам. В статье И. Вальки мы имеем как раз подобный пример. Историк должен определять содержание того или иного процесса или явления не по тем названиям, которые им давали современники, а на основании всестороннего анализа всех имеющихся в его распоряжении фактов.

Нам представляется, что в определении содержания «второго издания крепостничества» оба чехословацких историка допускают одинаковую ошибку. А именно, они берут лишь одну сторону явления и объявляют ее главной (А. Мика видит ее в барщине, точнее, в преобладании барщины; И. Валька — в юридических нормах). В этом одностороннем, а потому и неверном подходе к анализу сущности «второго издания крепостничества» и коренятся, по нашему мнению, неточности в заключениях обоих ученых.

И. Валька выдвигает еще один аргумент, на котором следует остановиться. Он пишет: «Нельзя также согласиться с критерием преобладания барщины как существа и главной черты крепостничества, понимаемого как целая эпоха феодализма. Барщина является производным явлением от основного экономического процесса, являющегося общим и

²¹ Там же, стр. 233.

²² J. Vá l k a. Druhé nevolnictví a původní akumulace v 16. stol., str. 320.

²³ Там же.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же, стр. 321.

определяющим для всего периода второго крепостничества, от роста товарного помещичьего хозяйства»²⁸.

Нам представляется неверным рассматривать барщину только как производное от роста товарного помещичьего хозяйства. Правда, рост барщинных повинностей действительно был связан с развитием последнего. Но вместе с тем увеличение удельного веса отработочной ренты зависело и от экономических процессов более общего характера как внутри страны (рост внутреннего рынка, развитие промышленности), так и за ее рубежами (развитие капитализма в ряде стран Западной Европы, рост спроса на продукцию сельского хозяйства).

В связи со сказанным представляется неправильным и положение И. Вальки о том, что рост товарного помещичьего хозяйства был основным экономическим процессом, определявшим весь период вторичного закрепощения.

Таким образом, оказались неубедительными все доводы И. Вальки, которыми он стремился опровергнуть выдвинутые А. Микой положения о преобладании барщины как определяющей черты вторичного закрепощения. Поэтому мы можем признать вывод А. Мики правильным с той, однако, поправкой, что преобладание барщины следует рассматривать лишь как один из основных признаков вторичного закрепощения²⁹.

Определяя сущность «второго издания крепостничества», необходимо исходить из учения марксизма-ленинизма о феодальной земельной ренте. Одно из положений этого учения гласит: «...земельная рента есть единственная господствующая и нормальная форма прибавочной стоимости или прибавочного труда»³⁰ при феодализме. В этой формулировке сконцентрировано выражение основного экономического закона феодальной обществу-экономической формации. Следовательно, при анализе любых явлений феодальной эпохи важно учитывать действие этого закона. Его конкретное воплощение выражается в эволюции феодальной ренты. Таким образом, при исследовании проблемы «второго издания крепостничества» необходимо прежде всего остановиться на изучении развития форм феодальной земельной ренты.

При этом важно учитывать указания К. Маркса, что в конкретно-исторических условиях ни одна из трех форм земельной ренты не встречается в чистом виде, все формы в той или иной пропорции переплетаются³¹. Отсюда вытекает необходимость при анализе эволюции феодальной ренты выделять господствующую, преобладающую по своему удельному весу форму. В связи с этим нам представляется вполне обоснованным стремление А. Мики при решении вопроса о сущности процесса «второго издания крепостничества» прежде всего обратиться к преобладающей форме земельной ренты.

Вместе с тем нельзя забывать (что, к сожалению, делает А. Мика, как это отмечалось выше) другого положения К. Маркса. Он писал: «...во всех формах, при которых непосредственный рабочий остается «владельцем» средств производства и условий труда, необходимых для производства средств его собственного существования, отношение собственности должно в то же время выступать как непосредственное отношение господства и порабощения, следовательно, непосредственный производитель — как несвободный; несвобода, которая от крепостничества с барщинным трудом может смягчаться до простого оброчного обязательства»³². Таким образом, взимание любой феодальной ренты предпола-

²⁸ Там же.

²⁹ Мы вынуждены были ограничиться кратким доказательством несостоятельности доводов И. Вальки, поскольку сам он не приводит развернутой аргументации своих положений.

³⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XIX, ч. 2-я, стр. 356.

³¹ См. там же, стр. 356—360.

³² Там же, стр. 352.

гает внеэкономическое принуждение, в основе которого лежит феодальная собственность на землю.

Для «второго издания крепостничества» (если рассматривать его в плане аграрных отношений) наиболее характерно сочетание двух сторон: преобладание отработочной ренты (барщины) и крепостного права в его наиболее грубой форме. Отработочная рента составляет экономическую сущность «второго издания крепостничества» и является одной из общих его черт. Ограничения личной свободы крестьян в самой резкой форме представляют юридическую сторону «второго издания крепостного права», являясь другой его общей чертой.

Из этого вытекает, что при определении процесса так называемого «второго издания крепостного права» необходимо исходить из единства этих двух сторон рассматриваемого процесса.

Одного юридического закрепощения недостаточно, чтобы говорить о наличии второго закрепощения. Лишь в том случае, если налицо барщина как преобладающая форма земельной ренты и суровые законы, ограничивающие (действительно, а не на бумаге) личную свободу крестьян, можно вести речь о вторичном закрепощении.

В свою очередь, процесс второго закрепощения может иметь место, когда прослеживаются тенденции к увеличению обеих сторон барщинно-крепостнической системы: отработочной ренты и юридического закрепощения.

Проследим на материале чешских источников, доступных нашему исследованию, как складывалась в Чехии барщинно-крепостническая система. В соответствии со сказанным о значении преобладающей формы ренты начнем с анализа удельного веса, который занимала барщина.

Прежде всего отметим мнение ряда исследователей аграрной истории Чехии о том, что в XVI — начале XVII в. барщина зависимых крестьян занимала незначительное место в системе хозяйства феодалов³³. Выводы эти вполне соответствуют историческим фактам. В источниках XVI в. либо вовсе не встречается указаний на барщину, либо говорится о том, что она не превышала нескольких дней в году. В начале XVII столетия в отдельных поместьях делались попытки перейти к обработке домениальной земли за счет только барщинного труда и отказаться от использования наемных работников. Но дело это было настолько необычным для Чехии, что ему оказывали сопротивление даже в официальных кругах. Об этом свидетельствует один из документов, датированный 1613 годом. Он не адресован и не подписан, но, по-видимому, исходил из чешской Королевской палаты, в ведении которой находились королевские поместья. В нем содержится наброски возражений на проект перехода в королевских поместьях к обработке полей исключительно за счет барщины вместо наемных работников³⁴.

Этот документ позволяет сделать несколько выводов. В начале XVII в. лишь отдельные светские и духовные феодалы пытались перейти к барщинной системе хозяйства. Их первые опыты возвращения к барщине и послужили основанием для опровергнувшегося проекта. В большинстве поместий, как и в королевских, еще безраздельно господствовала оброчная система. Переход от нее к барщине встречал сопротивление даже в среде господствующего класса. Основным мотивом возражений были ссылки на перегруженность крестьян. Если на крестьян возложить еще дополнительную повинность обработки господских полей, утверждали феодалы, то они не смогут исполнять других повинностей,

³³ K. Krofta *Dějiny selského stavu*. III vyd. Praha. 1945, str. 230; J. Kočí. *Boje venkovského lidu v období temna*. Praha. 1953, str. 60—61.

³⁴ «Archiv český čili staré památky české a moravské, sebraný v archivách domácích a cizích» (далее «AC»), «Radý selské a instrukce hospodářské». Sestavil J. Kalousek. T. XXII v Praze. 1905, t. XXIII. 1906; t. XXIX. 1911; см t. XXII, str. 527—528.

в первую очередь государственных. Такая мотивировка позволяет сделать два предположения относительно причин сопротивления введению барщинной системы в королевских поместьях. Во-первых, переход к ней, очевидно, не стал еще назревшей экономической необходимостью и в полной мере действовали силы, которые сдерживали его. Во-вторых, доходы королевской казны из других источников: налоги, контрибуции и т. п.— были еще достаточно велики, чтобы тормозить поиски новых источников.

Анализ структуры феодальной ренты в поместьях Чехии в 20—30-х годах XVII в.³⁵ показывает, что в этот период здесь преобладала денежная рента. Значительное место занимала рента продуктами. Барщина была распространена повсюду. Однако о ее господствующем положении говорить не приходится. К исполнению ее привлекались далеко не все крестьяне. Даже целые деревни не исполняли барщинных работ. По своему удельному весу барщина не занимала преобладающего места в общей сумме феодальной ренты³⁶. Она не являлась основной формой эксплуатации крестьян, основным способом присвоения прибавочного продукта, создаваемого ими.

40—50-е годы дают иную картину строения феодальной ренты. В одних поместьях еще преобладала денежная рента, но уже определенную роль в хозяйственной системе играла барщина. Это отчетливо видно на примере трех королевских поместий: Крадоворского в 1642 г., Мельницкого в 1645 и Брандейского в 1651 году³⁷. В 40-х годах здесь все еще преобладала денежная форма ренты и в то же время наблюдалась тенденция к увеличению барщины. Коммутация уступала место последней. В 50-х годах резко увеличился объем барщинных повинностей и к их исполнению стало привлекаться почти все сельское население.

Наиболее показателен в этом отношении пример Брандейского поместья, на материале которого представляется возможным установить хронологический рубеж резкого увеличения отработочной ренты. В 1663 г. крестьяне дер. Хотетов, принадлежавшей к этому поместью, добились перевода на деньги тягловой барщины и должны были платить в два срока 200 рейнских золотых (приблизительно 171 копу³⁸). В 1651 г., то есть за 12 лет до этого, во всем поместье за коммутирование барщины взималось 15 коп. 55 грошей мишенских. Очевидно, хотетовские крестьяне не были исключением. Резкое увеличение барщины происходило и в других деревнях поместья³⁹.

В то же время во владениях светских и духовных феодалов все большее значение приобретала отработочная рента, причем наиболее тяжелую картину можно было наблюдать во владениях церкви. В 1643 г. крепостные в имениях Мильчовес и Туржи Ичинской коллегии иезуитов, расположенных в Градецкой области, были обязаны исполнять обременительную для них барщину. Имевшие тягло крестьяне должны были два дня в неделю исполнять все конные барщины⁴⁰. Знаменательным является добавление, сделанное в наставлении крепостным этого поместья: «Кроме того, все должны знать, что за господином остается право в случае потребности увеличивать как ездовую, так и пешую барщину

³⁵ См. Н. Ф. Филоненко-Алексеев. Второе закрепощение в Чехии и крестьянское восстание 1679—1680 годов. (Кандидатская диссертация. М. 1955), стр. 197—208.

³⁶ «АС», т. XXIX, стр. 193—198; т. XXIII, стр. 18—20; V. Novák. Panství kumburské a oulibické při smrti Albrechta z Valdštejna. Журнал «Agrární Archiv» (далее «АА.» № XIII.

³⁷ См. «ПАМ». Т. 22, стр. 461; т. 23, стр. 257—272; «АС», т. XXIX, стр. 224—232; 250—253.

³⁸ 1 рейнский золотой (флорин) = $\frac{6}{7}$ копы грошей мишенских. См. «АС», т. 20, стр. 193.

³⁹ «АС», т. 29, стр. 251; «ПАМ», т. 23, стр. 575.

⁴⁰ «АС», т. 29, стр. 216—220.

или уменьшать их по праздникам или за послушание»⁴¹. На основании этого правила господа могли произвольно увеличивать барщину. Очевидно, здесь она преобладала над другими видами ренты.

Данные о структуре феодальной ренты в ряде поместий Чехии⁴² в 60—70-х годах показывают, что в это время уже повсеместно преобладала отработочная рента. Таким образом, если в 20—30-х годах главное место в поместном хозяйстве занимала денежная рента, то в 40—50-х годах можно было наблюдать пеструю картину смешения разных форм, а в 60—70-х годах уже господствовала барщинная система.

Наглядное представление об этих изменениях дает следующая таблица.

Эволюция форм феодальной ренты в чешских поместьях в 40—70-х годах XVII столетия⁴³

Поместье	Область	Сословие владельца	Год	Преобладающая форма ренты
Краловдорское . . .	Подбрдская	король	1642	денежная
Мельницкое	Литомержицкая	"	1645	денежная
Брандейское	Коуржимская	"	1651	денежная
"	"	"	1663	отработочная
Костское	Болеславская	панское	1648	денежная
"	"	"	60—70-е	отработочная
Милчовес, Туржи . .	Градецкая	духовное	1643	отработочная
Литомышльское . .	Хрудимская	панское	1659	денежн. отраб.
"	"	панское	70-е	отработочная
Гостинское	Градецкая	"	1658	отработочная
Влашимская	Коуржимская	"	1665	отработочная
Вшерубское	Пльзенская	"	1672	отработочная
Малешевское	Чаславская	"	70-е	отработочная
Индржихуз - Градецкое	Бехиньская	"	60—70-е	отработочная

Она позволяет сделать вывод, что переход от денежной к отработочной ренте приходился на рубеж между 50-ми и 60-ми годами. Некоторым своеобразием отличались духовные владения, где уже в 40-х годах преобладала барщина. Разумеется, этот вывод, основанный на изучении ограниченного числа объектов, носит только предварительный характер. Необходимо значительно более широкое привлечение материала, который охватывал бы максимальное количество поместий. К сожалению, автору пока недоступны эти материалы. Но и взятые для анализа данные по 15 поместьям из 9 областей Чехии (общее число населенных пунктов около 850, число хозяйств около 6 тыс.) могут в известной мере служить показателем точности наших суждений.

Результаты проделанного нами анализа эволюции феодальной ренты в Чехии XVII в. показывают несостоятельность одного из аргументов И. Вальки, утверждающего, что преобладание барщины не было главной чертой «второго издания крепостничества». Он писал: «Барщина как преобладающая часть феодальной земельной ренты не была введена сразу, патентами XVII века. Она возрастала в течение XVI в., особенно в его второй половине, и полностью развернулась в 1-й половине XVII века»⁴⁴. Верно, что барщина не была введена сразу, путем государственных рескриптов. Но факты показывают, что особенностью развития Чехии,

⁴¹ Там же, стр. 216.

⁴² См. Н. Ф. Филоненко-Алексеев. Указанная диссертация, стр. 208—235.

⁴³ Составлена по данным следующих источников: «РАМ», t. 21, str. 235—243; t. 22, str. 461; t. 23, str. 254, 512—513; «АА», t. XI, str. 108—109, «АС», t. 23, str. 313, 334, 393, 403, 433; t. 29, str. 224—232, 250—253.

⁴⁴ J. Vá l k a. Druhé nevolnictví a původní akumulace v 16. stol., str. 321.

специфической чертой процесса вторичного закрепощения в этой стране было быстрое его течение.

Прежде чем перейти к анализу другой общей черты второго закрепощения, остановимся на концепции, выдвинутой Н. М. Пашаевой.

Правильно указывая в своей статье, что сущность процесса состояла в одновременном закрепощении крестьянства и резком увеличении барщины⁴⁵, автор делает вывод о двух стадиях вторичного закрепощения крестьян в Чехии. «Первая стадия XV—XVI вв.— производство незерновых продуктов — соответствует первой стадии вторичного закрепощения крестьян — использованию «барщины челяди». Вторая стадия — преимущественно производство зерна — соответствует второй стадии вторичного закрепощения крестьянства — многодневной барщине наделенных крестьян. Две стадии вторичного закрепощения крестьянства — отличительная черта развития Чехии. (В других странах Восточной Европы процесс происходил одновременно, и двух стадий его не наблюдалось)»⁴⁶.

Своей концепцией двух стадий закрепощения Н. М. Пашаева как бы примиряет две крайние точки зрения о времени начала этого процесса. Получается, что-де правы и те и другие исследователи. Начало процесса положено в XV веке. А со второй четверти XVII в. наступила новая стадия.

Однако бросается в глаза, что в статье Н. М. Пашаевой вывод о двух стадиях второго закрепощения и об особенностях первого этапа предваряет анализ фактического материала. Тем самым создается впечатление, будто автор исходит из некоей заранее составленной схемы, из стремления во что бы то ни стало доказать, в соответствии с правильной характеристикой сущности второго закрепощения, что и до середины XVII в. в Чехии преобладала барщина. Это впечатление предвзятости автора усиливается в результате знакомства с аргументацией, приводимой в статье.

Предварительно отметим, что у некоторых историков, утверждающих, что вторичное закрепощение началось в XV в., возникает одно противоречие. Оно состоит в том, что факты о юридическом закрепощении имеются налицо, а другой общей черты «второго издания крепостного права» — преобладания барщины — документы не подтверждают.

В таких случаях отдельные исследователи пытались встать на путь поисков барщины как преобладающей формы ренты во что бы то ни стало.

Например, А. И. Озолин⁴⁷ говорит, что крестьяне в XVI в. несли барщину в 3—4 и более дней в неделю. Однако для такого заявления у него не было основания. Ни источники, ни имеющаяся литература не подтверждают наличия столь высокой нормы отработочной ренты как господствующей в стране в указанное время. Правда, кое-где, в отдельных поместьях, встречалась барщина. Но это не меняло общей картины.

Поиски барщины как преобладающей формы ренты в XV—XVI вв. в Чехии продолжила Н. М. Пашаева. Она утверждает, что в период до окончания Тридцатилетней войны можно говорить «об определенной «барщине челяди». Таким образом, получается, что барщинно-крепостническое хозяйство действительно сформировалось уже в XVI в.»⁴⁸.

⁴⁵ Н. М. Пашаева. Указ. соч., стр. 174, 176.

⁴⁶ Там же, стр. 177—178.

⁴⁷ А. И. Озолин. Национально-освободительное движение чешского народа и восстание 1547 г. «Ученые записки» Института славяноведения АН СССР. Т. XI, стр. 305. Кстати сказать, Н. М. Пашаева в своей работе опровергает выводы А. И. Озолина в отношении крестьянской барщины. См. Н. М. Пашаева. Указ. соч., стр. 191, прим. 95.

⁴⁸ Н. М. Пашаева. Указ. соч., стр. 191.

Приступая к доказательству этого положения, Н. М. Пашаева пытается выяснить, что следует понимать под термином «челядь». «Под понятие челяди, — пишет она, — подходила в XVI—XVII вв. категория сельского населения, не имевшая собственного хозяйства и работавшая в поместье пана»⁴⁹. Эта формулировка, к сожалению, очень неопределенна, причем неопределенность увеличивается от ряда оговорок автора. С одной стороны, Н. М. Пашаева заявляет, что понятие «челядь» не переводится на русский язык ни словом «батраки», ни словом «работники» (стр. 192). С другой — в числе «челяди» она упоминает батраков. На стр. 195 она говорит, что челядь — это крепостные крестьяне, уходившие в поместье на заработки.

Затруднения автора при определении этого термина понятны. Действительно, челядь рекрутировалась из различных слоев сельского населения и затем исполняла различные должности. Это и следовало бы, на наш взгляд, подчеркнуть Н. М. Пашаевой, не усложняя вопроса противоречивыми формулировками.

В доказательстве преобладания барщины Н. М. Пашаева исходит из того, что основная масса челяди находилась в личной крепостной зависимости (стр. 193, 194, 195). Эту посылку можно признать верной⁵⁰, но из нее автор делает, на наш взгляд, необоснованный вывод о преобладании в поместье челяди из числа крепостных того же поместья. При этом она даже не исследует вопрос о соотношении числа челяди из местных и пришлых крестьян. В статье имеются ссылки на два поместья (стр. 193, 195), но этих примеров недостаточно для доказательства того, что среди челяди преобладали крестьяне данного же поместья. Анализ этих вопросов имел бы принципиальное значение. Ведь если половину и более челяди составляли пришлые (то есть крестьяне из других поместий), то хотя они и были лично зависимы от другого помещика, в данном поместье между ними и владельцем существовали отношения преимущественно экономического характера. Несмотря на все значение такого анализа, автор не занимался им. И хотя в работе весьма детально описываются условия найма челяди, при доказательстве наличия барщинной челяди Н. М. Пашаева предпочла ограничиться лишь отрицанием наемного характера ее труда.

На основании своего вывода Н. М. Пашаева делает далеко идущее заключение о барщине челяди⁵¹. На наш взгляд, оно не вытекает из анализа фактического материала.

Автор ограничивается лишь замечанием, что это была своеобразная

⁴⁹ Там же, стр. 192.

⁵⁰ В то же время нельзя не отметить слабость аргументации, приводимой автором. В ряде случаев у Н. М. Пашаевой преобладают предположения. Она пишет: «Нас будет интересовать в первую очередь судьба крепостной челяди, тем более, что крепостная челядь, очевидно, преобладала» (стр. 193) или: «Однако часть, и, вероятно, большая, рабочей силы в поместье — жители того же поместья» (стр. 194). И далее: «Эта вторая и едва ли не большая категория челяди, работающая на тех же условиях, что и челядь со стороны, не является, однако, в полном смысле слова наемной, так как уйти из хозяйства своего пана она не может (даже дослужив полный год)» (стр. 195).

В работе приводятся еще два аргумента. Один из них состоит в приведенной выше ссылке на то, что челядь не могла уйти от пана даже после того, как закончился определенный срок (в данном случае — год). Н. М. Пашаева сама опровергает свой довод, приводя примеры, когда помещик отпускал челядь на сторону (см. стр. 195). Другой аргумент состоит в том, что о свободной челяди в изученных Н. М. Пашаевой документах имеется только два упоминания, остальные документы не проводят разделения челяди на крепостную и свободную. Доказательство такого рода, как известно, не принято относить к числу наиболее убедительных. Жаль, что Н. М. Пашаева не использовала более веских аргументов. Например, свидетельств «Berní guli», которая сообщает, что в середине XVII в. в Чехии оставалось всего около 6 тыс. свободных крестьянских семейств, так называемых «свободников» («Berní guli», далее «BR». Т. 2. Praha. 1955, стр. 614).

⁵¹ Н. М. Пашаева в. Указ. соч., стр. 195.

форма барщины. Своеобразие состояло, по ее словам, в том, что если помещик не использовал челядь у себя, он отпускал ее на время в другое поместье (стр. 195). Это действительно своеобразная черта, но далеко не основная.

К сожалению, в статье всесторонне не рассматривается этот вид «барщины». Н. М. Пашаева обходит молчанием указания К. Маркса об экономической сущности барщины как одной из форм докапиталистической земельной ренты — именно отработочной. Не касается автор и определения барщинной системы хозяйства. Как известно, В. И. Ленин указывал на следующие необходимые условия существования барщинного хозяйства: господство натурального хозяйства, наделение непосредственного производителя средствами производства вообще и землей в частности, личная зависимость крестьянина от помещика, крайне низкое и рутинное состояние техники⁵².

Если посмотреть, каким из перечисленных условий отвечало помещичье хозяйство XVI в. в Чехии, то окажется, что отмечаемая Н. М. Пашаевой «барщина челяди» не удовлетворяла одному из этих условий: она не имела собственного хозяйства, у нее не было ни надела, ни своих орудий труда. Может быть, не обязательно для барщины наличие этого условия, но обязательно то, чтобы крестьянин был наделен землей? Если это так, то следовало прямо сказать об этой специфической черте отработочной ренты в условиях Чехии XVI века. Однако в статье этого не делается.

Наконец, если даже допустить, что данное предположение Н. М. Пашаевой действительно верно, то неясным останется вопрос о численности челяди. Автор не касается его. Между тем проблема численности челяди имеет важное значение. Если это действительно была значительная часть сельского населения, то следует вновь и вновь проверить выводы Н. М. Пашаевой. Если же эта категория была малочисленной, то само собой отпадают выводы автора о наличии барщинно-крепостнической системы до середины XVII века.

У сторонников мнения, будто барщинно-крепостническая система сложилась в Чехии уже в XVI в., одним из серьезных аргументов является утверждение о том, что юридическое закрепощение крестьян завершилось в середине данного столетия⁵³. В пользу этого утверждения, казалось бы, говорят приводимые авторами ссылки на постановления Чешского сейма от 1453, 1479, 1485—1487, 1547, 1549, 1567 гг. и другие, оформлявшие закрепощение крестьян.

Изучение источников показывает, что действительно в Чехии еще до 1620 г. был издан ряд постановлений о прикреплении крестьян к земле и лишении их личной свободы. Но исследователи проходили мимо одного важного обстоятельства. Постановления, содержавшие те или иные ограничения феодального характера, повторялись очень часто. Это свидетельствует о том, что они зачастую не выполнялись, и многочисленные ограничения, в частности, наиболее суровые из них — прикрепление к земле и лишение личной свободы, — не стали еще правилом на территории всей страны.

Рассмотрим имеющиеся в нашем распоряжении факты. Для удобства расположим их в три группы. Первая — ограничения, связанные с правами крестьян на свой надел и его составные части. Вторая — различные ограничения личной свободы. Третья — меры наказания за нарушения многочисленных ограничений.

Чрезвычайно тяжелым для чешского крестьянства было так называемое право «одумрти» (*odumrti'*), согласно которому у подавляющего большинства чешских крестьян после их смерти земельные участки, если

⁵² См. В. И. Ленин. Соч. Т. 3, стр. 158—159.

⁵³ См. «История Чехословакии». Т. I, стр. 239; Н. М. Пашаева Указ. соч., стр. 198—199.

не имелось прямых наследников, переходили к господам. В развитии этого права феодалов, точнее, процесса освобождения крепостных от этого тяжелого бремени, на протяжении XVI—XVII столетий произошли знаменательные изменения. В XVI в. освобождение крепостных от права «одумрти» происходило довольно часто, настолько, что позволило чешскому историку О. Олива назвать это время для Чехии веком «освобождения от права «одумрти»⁵⁴. Однако мнение Олива разделяли далеко не все чешские историки. К. Крофта отмечал, что накануне Белой Горы подавляющее большинство крестьян находилось еще под этим правом⁵⁵. Для послебелогорского периода, особенно со второй половины XVII столетия, характерны были лишь единичные случаи освобождения крепостных от права «одумрти». Таким образом, в Чехии усиление крепостного права ознаменовалось резким сокращением освобождения крестьян от права «одумрти».

Серьезным ограничением прав крестьян на свой участок, связанным с монополией феодальной земельной собственности, было запрещение свободного отчуждения участков или их частей⁵⁶. Контроль феодалов за сделками по отчуждению у крепостных их участков состоял в обязательной регистрации всех актов купли-продажи. 41-й пункт Фридляндской инструкции 1628 г., ставшей образцом для составления подобных инструкций в течение всего XVII в., устанавливал следующий порядок: «Кто с разрешения господина продает или покупает участок, должен в течение 6 недель записать сделку в пуркрехтный регистр»⁵⁷. Это правило повторялось во многих инструкциях и в последующее время⁵⁸, причем со второй половины столетия срок регистрации сократился до двух недель⁵⁹.

Сокращение предельных сроков обязательной регистрации земельных сделок представляет большой интерес в двух отношениях. Оно указывает путь к увеличению домена, ибо за нарушение правила о регистрации сделка признавалась недействительной, а предмет сделки—участок—конфисковывался. Вместе с тем оно свидетельствует об усилении крепостной зависимости именно во второй половине XVII века.

Таким образом, формально крепостная зависимость была введена законодательными актами еще в конце XV столетия и имела место на протяжении всего XVI века. Важно подчеркнуть усиление степени крепостной зависимости в XVII в., что проявлялось в увеличении штрафов за укрытие беглых крепостных.

Прикрепление крестьян к земле, как известно, является одним из проявлений внеэкономического принуждения, порождаемого определенной системой хозяйства, именно барщинной системой. Чтобы крестьянин, наделенный землей, пошел на барскую работу, он должен был находиться в личной зависимости от помещика, к нему должно было применяться принуждение⁶⁰. В Чехии прикрепление крестьян к земле приняло наиболее резкие формы как раз в период крутого перехода к барщине. Не случайно именно на протяжении менее чем четверти века (1627—1650 гг.) штраф за укрывание беглых крепостных дважды удваивался. Именно в этот период феодально-крепостническое государство, главная задача которого сводилась к удержанию власти помещика над крепостным крестьянином, предприняло ряд мер, чтобы предотвратить бегство крепостных за пределы страны и обеспечить их возвращение.

⁵⁴ О Олива. Příspěvek k českým hospodářským poměrům před 300 lety. «AA», t. IX, str. 131.

⁵⁵ К. Крофта. Dějiny selského stavu, str. 216.

⁵⁶ «АС» t. 23, str. 136, 196, 250, 505.

⁵⁷ Там же, стр. 95.

⁵⁸ АС, t. 29, str. 217.

⁵⁹ «АС» t. 23, str. 359.

⁶⁰ См. В. И. Ленин. Соч. Т. 15, стр. 66.

В 1651 г. было установлено соглашение с саксонским курфюрстом о выдаче беглых крепостных⁶¹. В 1652 г. Чешский и Моравский сеймы договорились возвращать бежавших и скрывавшихся крепостных⁶².

Запрещение свободного перехода содержалось не только в государственных актах, но и в многочисленных господских инструкциях управляющим и наставлениях крепостным⁶³.

В XVII в. усилились права феодалов в отношении детей крепостных. Еще в XVI столетии существовал обычай, по которому помещики имели право распоряжаться сиротами — детьми умерших крепостных. Это право состояло в том, что феодал мог требовать и действительно требовал от сирот обязательной бесплатной службы для господ. Для назначения этих служб раз в год, обыкновенно на рождество, производился осмотр сирот. К господской службе привлекались и все остальные дети крепостных. Но если сироты служили бесплатно, то остальные крестьянские дети получали, как правило, вознаграждение. В XVII в., особенно после Тридцатилетней войны, феодалы распространили свои права в отношении сирот и на детей живых родителей. В Чехии повсеместно утвердилось правило, по которому крепостные не могли распоряжаться своими детьми без разрешения господина⁶⁴. В инструкциях и наставлениях, относящихся к изучаемому периоду, содержатся требования представлять на смотры не только сирот, но и всех крестьянских детей, чтобы выявлять пригодных для господской службы. Крестьяне крайне неохотно исполняли эту новую для них повинность, так как в хозяйстве нужны были рабочие руки. Они стали скрывать детей, стремясь отдать их в крайнем случае на службу за пределами поместья⁶⁵.

Дальнейшее развитие права феодалов на детей крепостных проявлялось в том, что крепостным запрещалось без разрешения господ отдавать детей в ремесло или учение⁶⁶.

Усиление личной несвободы чешских крестьян выразилось также в расширении прав феодала контролировать заключение браков. В XVI—начале XVII столетия феодалы обычно контролировали заключение только тех браков, которые были связаны с уходом из поместья. «Обновленное земское уложение» 1627 г. устанавливало, что выходить замуж можно было вообще только с разрешения господина⁶⁷. В дальнейшем в господских инструкциях неоднократно подтверждалось запрещение свободного бракосочетания для крепостных⁶⁸.

Наконец, среди ограничений личной свободы крестьян следует отметить запрещение носить и использовать оружие. Это право было отнято у крепостных уже в предбелогорский период. «Обновленное земское уложение» подтверждало данное запрещение. В действительности, однако, крестьяне не только имели оружие при себе, но и обязывались иметь его, как принадлежность участка. В 1650 г. Чешский сейм постановил, чтобы все крестьяне сдали оружие⁶⁹.

Усиление крепостного права в Чехии проявилось также в изменении общего тона постановлений и приказаний в отношении крепостных крестьян. В наставлении крепостным Червеноржечицкого поместья в 1633 г. говорилось, что господские установления и статьи нарушались крепостными, но впредь больше не будет прощаться никому даже самый малый проступок. Чтобы новый порядок строго соблюдался, феодал рас-

⁶¹ «АС» т. 23, стр. 275.

⁶² Там же, стр. 297, 298.

⁶³ Там же, стр. 134.

⁶⁴ Там же, стр. 93.

⁶⁵ Там же, стр. 136; т. 29, стр. 218—219.

⁶⁶ Там же, т. 23, стр. 129; т. 29, стр. 219.

⁶⁷ Там же, т. 23, стр. 4, 127.

⁶⁸ Там же, стр. 129, 243, 274; т. 29, стр. 244.

⁶⁹ Там же, т. 23, стр. 235.

порядился выделять управляющему одну треть от штрафов, налагавшихся на крестьян⁷⁰.

Чрезвычайно «сильным языком» («jadnou mluvou»), по выражению составителя 23-го тома «Чешского архива» Калоусека, отличалась инструкция графа Чернина, изданная в 1648 году⁷¹. О крайнем ухудшении правового положения чешских крестьян свидетельствует, как указывает Калоусек, тон постановления верховного управляющего Тржебоньского поместья старостам и крепостным, датированного 1665 г., в сравнении с тоном более ранних постановлений⁷².

Заметные изменения произошли в практике наложения штрафов. Более суровыми стали наказания за неисполнение феодальных повинностей. Во второй половине XVI в. в господских инструкциях почти не встречались наказания за неисполнение барщины. В инструкциях XVII в. мы неизменно сталкиваемся с более или менее крупными денежными штрафами за это нарушение. Причем имелись две тенденции: взysкивать штраф в деньгах и в натуральном виде. Размер штрафа был неодинаковым. В 1633 г. в Червеноржевицком поместье⁷³ за невыход на барщину взysкивалось: за конную барщину — 1 копа чешских грошей, за пешую — 15 грошей ($\frac{1}{4}$ копы). В 1643 г. за отказ от барщины во владениях Ичинской коллегии иезуитов⁷⁴ с седлаков (то есть за конную барщину) взysкивалось $1\frac{1}{2}$ копы, с халупников (то есть за пешую барщину) — $\frac{1}{2}$ копы (30 грошей). В 1679 г. в королевских поместьях⁷⁵ за неисполнение барщины халупник должен был платить уже 1 копу за пропущенный день, а рольник (седлак) — 3 копы за день конной барщины. Причем от крестьян требовалось, чтобы штраф был внесен не деньгами, а исполнен натуральной барщиной — на рубке леса. Между тем в 1645 г. в одном из королевских поместий (Мельницком) за отказ от барщины взysкивался штраф в размере неисполненной работы⁷⁶, то есть значительно меньше, чем в 1679 году. Еще более суровые наказания следовали за неисполнение барщины во владениях Вальдштейна. В инструкции 1651—1654 гг. отмечалось, что крепостные плохо относились к исполнению барщины; на работу являлись к полудню вместо утра, вместо годовых работников присылали детей, заставляли неоднократно посылать за собой. За такие «провинности» крестьяне должны были отбывать барщину в оковах или за каждый пропущенный день сидеть неделю под арестом⁷⁷. В некоторых поместьях, например, Фридландском, были введены наказания даже за явку на работу с опозданием⁷⁸.

Более строго стал преследоваться неаккуратный взнос денежных и натуральных оброков. В XVI в. (например, в инструкции Гриспека от 1588 г.) рекомендовалось за их неуплату сажать крестьян под арест до тех пор, пока оброк не будет выплачен⁷⁹. Через 50 с лишним лет за такой же проступок полагался арест до уплаты и заключение на неделю после внесения платы плюс штраф размером в 5 коп грошей⁸⁰. Более строгими стали наказания и за другие проступки: хождение в господский лес, порубки и охоту в нем, ловлю рыбы в господских водоемах. В XVI в. за это крестьяне обычно подвергались только денежному штрафу⁸¹. Лишь в единичных случаях следовали смертная казнь и конфис-

⁷⁰ Там же, стр. 137.

⁷¹ Там же, стр. 194.

⁷² Там же, стр. 396.

⁷³ Там же, стр. 131.

⁷⁴ Там же, стр. 216.

⁷⁵ Там же, стр. 462.

⁷⁶ Там же, т. 29, стр. 234.

⁷⁷ Там же, т. 23, стр. 269.

⁷⁸ Там же, стр. 94.

⁷⁹ Там же, т. 22, стр. 317.

⁸⁰ Там же, т. 23, стр. 133.

⁸¹ Там же, т. 22, стр. 223, 320.

кация имущества⁸². В XVII в., особенно после 1627 г., когда вышло в свет «Обновленное земское уложение», за охоту в господских лесах полагалось одно наказание — смерть⁸³, за ловлю рыбы в господских реках и прудах — смерть или ослепление⁸⁴.

Анализ системы штрафов и наказаний показывает не только конкретное проявление усиления крепостного права в Чехии во второй и третьей четвертях XVII столетия. В этой системе наглядно проявилось непосредственное назначение юридической стороны «второго издания крепостничества»: обеспечить исполнение барщины крепостными.

Перед нами прошли факты, говорящие о резком ухудшении юридического положения чешского крестьянства в XVII столетии. Это целый ряд ограничений в области землепользования, личной свободы, частью сохранившихся от XVI в. и более или менее усилившихся, частью введенных вновь, более суровые наказания за нарушение господских предписаний. Все это свидетельствует о том, что крепостное право в Чехии усилилось именно во второй четверти XVII века. Усиление юридического закрепощения совпадало по времени с ростом барщинных повинностей, составляя в совокупности процесс «второго издания крепостничества».

Рассмотрение доступного нам материала, а также критическое знакомство с концепциями других исследователей приводят нас к выводу о том, что в Чехии вторичное закрепощение характеризовалось теми же основными чертами, что и в других странах: ростом отработочной ренты и усилением крепостной зависимости. Этот процесс имел еще одну общую черту — расширение барского, или доменального хозяйства.

В связи с этим следует отметить, что, стремясь доказать наличие второго закрепощения в Чехии в XVI—начале XVII в., Н. М. Пашаевавольно или невольно обходит вопрос о росте барской запашки. Не учитывает этой важной черты и И. Валька.

По данным, имеющимся в «Verní gůla», можно проследить, как увеличивалась барская запашка. «Verní gůla» является в этом отношении надежным источником. В ней очень ревностно фиксировались любые попытки феодалов использовать крестьянскую землю для господских нужд. Это вызывалось тем, что крестьянская земля, так называемый рустикаль, была объектом налогообложения. Всякое уменьшение размеров крестьянской земли означало бы сокращение доходов государственной казны.

«Verní gůla» показывает, что помещики захватывали крестьянскую землю в 1624, 1636, 1639—1640 гг., 1651—1652 годах⁸⁵. Таким образом, захваты рустикаля приходятся главным образом на 20—50-е годы XVII века.

Какой же характер носили эти захваты? Как использовалась захваченная земля? Источник дает ответы и на эти вопросы. Захватывалась в большинстве случаев не обрабатываемая земля (хотя и такие случаи бывали нередко), а брошенные участки. В основном на такой земле возникали новые господские усадьбы. Например, в Подбрдской и Пльзеньской областях под барскую запашку было использовано 100% захваченной земли⁸⁶. В Коуржимской области для расширения господского хозяйства пошло около 98% захваченных у крестьян земель⁸⁷. В Подбрдской области — около 89%⁸⁸. При этом рост барской запашки происходил двумя путями. Первый состоял в том, что на захваченной земле создавались новые усадьбы, либо земля присоединялась к ранее существовавшим усадьбам. Второй путь заключался в использовании помещиками отнятых зе-

⁸² Там же, стр. 33.

⁸³ Там же, г. 23, стр. 93, 130, 133, 319.

⁸⁴ Там же, стр. 93, 133, 319; «AA», t. XI, str. 240.

⁸⁵ «BR», t. 26, str. 124, 186; t. 27, str. 315; t. 31, str. 81, 109, 178, 186.

⁸⁶ «BR», ff. 31, 23.

⁸⁷ «BR», t. 18.

⁸⁸ «BR», t. 26.

мель для посева, но без присоединения к усадьбе. Если судить по данным «*Veprní gulí*», то преобладал первый путь.

В то же время в отдельных местах наблюдалась другая тенденция, а именно, не расширять барской запашки. Например, в Прахеньской области, по данным «*Veprní gulí*», свыше 80% захваченной у крестьян земли сдавалось помещиками в аренду крестьянам⁸⁹.

Наш вывод о том, что резкое увеличение числа и размеров барских усадеб⁹⁰ приходится на 20—50-е годы XVII в., подтверждается данными статьи А. Мики. Он указывает, что в первой половине XVI в. в Чехии подавляющее большинство поместий имело от 1 до 3 усадеб. В середине XVII в. не редкостью были поместья с 10—20 усадьбами⁹¹.

Расширение барской запашки, как отмечают исследователи, было присуще вторичному закрепощению в Германии, Польше, Венгрии⁹². Таким образом, расширение барской запашки является общей чертой этого процесса.

Еще одной общей чертой является предпринимательский характер помещичьего хозяйства. На это обстоятельство обращают внимание почти все исследователи⁹³. Вопрос не вызывает споров, поэтому мы не будем останавливаться на нем подробнее. Однако в связи с предпринимательским характером поместного хозяйства представляется необходимым коснуться проблемы содержания отработочной ренты в период второго закрепощения.

Историки, изучавшие вторичное закрепощение, отмечали, что отработочная рента в позднее средневековье существенно отличалась от барщины раннего периода средних веков⁹⁴. Отличие заключалось в том, что поздняя отработочная рента предназначалась преимущественно для рынка, была связана с развитием товарного производства. Ранняя отработочная рента имела, главным образом, назначение удовлетворять домашние потребности феодала.

Но можно ли на основании этих различий говорить о том, что отработочная рента в поздние столетия феодальной эпохи представляла собой особую, новую форму феодальной земельной ренты? Как известно, К. Маркс указывал на три формы феодальной ренты: отработочную, продуктовую, денежную⁹⁵. О новой, «комбинированной» форме говорится в политико-экономическом очерке феодализма Б. Ф. Поршнева⁹⁶. Нам представляется, что такой вывод основан на простом недоразумении. Действительно, комбинации форм ренты не только возможны, как указывал К. Маркс, но и имелись налицо. Из этого все же не следует, что каждая новая комбинация дает новую форму. Если логически продолжить рассуждения Б. Ф. Поршнева, то можно назвать еще ряд «новых» форм ренты. В самом деле, продуктовая рента в позднее средневековье тоже в значительной мере была рассчитана на рынок, а не только на семью феодала. Но из этого факта нельзя делать заключение о наличии новой формы ренты. Экономическая сущность отработочной ренты и в раннее и в позднее средневековье оставалась одной: прибавочный про-

⁸⁹ «BR», t. 27.

⁹⁰ См. Н. Ф. Филоенко-Алексеев. Указанная диссертация, стр. 110—118.

⁹¹ А. Мика. Указ. соч., стр. 239—240.

⁹² J. Nichtweiss. Das Bauernlegen in Mecklenburg. Berlin. 1954, S. 32; «История Польши». Т. I, изд. 1-е, стр. 163—165; В. Zientara. Указ. соч., стр. 13; П. Ж. Пах. Первоначальное накопление капитала в Венгрии. «Studia historica Academiae scientiarum Hungariae», 4. Budapestini, 1952, стр. 6.

⁹³ «История Чехословакии». Т. I, стр. 267—269; С. Д. Сказкин. Указ. соч., стр. 104; Н. М. Пашаева. Указ. соч., стр. 187; J. Válka. Druhé nevolnictví a původní akumulace v. 16. stol., str. 321.

⁹⁴ «История Польши». Т. I, стр. 161.

⁹⁵ К. Маркс. Капитал. Т. III, стр. 795—826.

⁹⁶ Б. Ф. Поршнев. Очерк политической экономии феодализма. М. 1956, стр. 71—75.

дукт производился в хозяйстве феодала, прибавочный труд был отделен во времени и пространстве от труда необходимого.

Поэтому, отмечая своеобразие условий, в которых взималась отработочная рента в позднее средневековье, мы с полным основанием можем употреблять этот термин, не прибегая к не отвечающим действительности построениям.

В результате проделанного анализа можно говорить о том, что вторичное закрепощение характеризуется следующими общими чертами: преобладание барщины, усиление крепостной зависимости до крайних проявлений личной несвободы, расширение барской запашки, предпринимательский характер помещичьего хозяйства. Все эти черты присущи процессу вторичного закрепощения и в Чехии.

Вместе с тем в Чехии была своя специфика. Н. М. Пашаева (как было показано выше) усматривает своеобразие в Чехии в наличии барщины челяди. На наш взгляд, особенности вторичного закрепощения в Чехии состояли в сроках протекания этого процесса.

В отличие от Северной и Восточной Германии, а также Польши, где барщина заняла господствующее положение уже в начале — середине XVI в., в Чехии ее введение тормозилось наличием сильных городов и многочисленного рыцарства. Только вследствие подавления восстания чешских сословий в 1618 г. и конфискаций роль городов и рыцарства была подорвана и создались благоприятные условия для быстрого перехода к барщинной системе. И действительно, такой переход совершился в течение нескольких десятилетий, начиная с конца 30-х годов. В 60-х годах XVII столетия в Чехии уже повсеместно имелась барщинная система хозяйства.

Таким образом, с одной стороны, процесс вторичного закрепощения в Чехии протекал позже, чем процесс в иных странах. С другой — он проходил в более сжатые сроки (несколько десятилетий). Важно отметить, что последнее обстоятельство вызвало бурную вспышку классовой борьбы (восстание чешских крестьян в 1679—1680 годах).

В итоге нам представляется возможным сделать следующие выводы о хронологических рамках процесса вторичного закрепощения в Чехии. Их начальный рубеж — 1620 г. (поражение у Белой горы). Завершение — 50—60-е годы XVII века. Под вторичным закрепощением мы понимаем период становления барщинно-крепостнической системы хозяйства в стране. Господство этой системы продолжалось до 1781 года.

В ходе дискуссии о вторичном закрепощении в чехословацкой печати предметом обсуждения стал и самый термин «вторичное закрепощение».

А. Мика, опираясь на исследования Ф. Грауса⁹⁷, который показал, что в Чехии в период раннего феодализма преобладала натуральная рента над небольшой барщиной, высказал взгляд о неуместности употребления термина «вторичное закрепощение» применительно к истории Чехии, поскольку здесь, по его мнению, не было первичного закрепощения⁹⁸. Й. Валька, ссылаясь на ту же работу Грауса, где показано, что в раннефеодальный период в Чехии имело место юридическое закрепощение, приходит к выводу, что в истории Чехии XIII век означал для крестьян ослабление феодального гнета в связи с переходом к денежной ренте. Отсюда Й. Валька делает вывод, что усиление феодальной эксплуатации в последующие века вполне может быть обозначено как вторичное закрепощение⁹⁹. При этом оба автора подчеркивают условность этого термина. Й. Валька считает, что нельзя его применять для обозначения целой исторической эпохи (1620—1781), как это имеет место в «Тезисах»

⁹⁷ F. Graus. Dějiny venkovského lidu v Čechách v době předhusitské. Díl. I. Praha. 1953. Díl II. Praha. 1957.

⁹⁸ А. Мика. Указ. соч., стр. 231.

⁹⁹ J. Válek. Указ. соч., стр. 321—322.

к «Истории Чехословакии» и в I томе «Истории Чехословакии», изданных Институтом истории ЧАН¹⁰⁰.

Таким образом, в указанных работах вопрос о правомерности употребления термина «вторичное закрепощение» сводится к формальному фактору: можно ли называть закрепощение «вторичным», если не было первого? Нам представляется, что решение этого вопроса правильнее было бы искать в рассмотрении существа процесса вторичного закрепощения. Разумеется, научный термин не должен заключать в себе логического противоречия. Но действительно ли имеется оно в разбираемом нами термине? Если подходить к этому вопросу только с точки зрения того, было ли в данной стране первичное закрепощение, то можно прийти к выводу о логической бессмысленности термина «вторичное закрепощение» для таких, например, стран, как Россия или Чехия (как это делает А. Мика, односторонне трактуя понятие вторичного закрепощения).

Иной вывод напрашивается при анализе сущности вторичного закрепощения, его основных черт. Ряд моментов значительно отличает вторичное закрепощение от того процесса, который можно было бы назвать первичным. Эти моменты указаны выше: предпринимательский характер помещичьего хозяйства, преобладание барщины, наиболее грубые и резкие формы юридического закрепощения. Следовательно, ко вторичному закрепощению нельзя подходить, как к простому повторению первоначального закрепощения. Нам представляется также, что содержание вторичного закрепощения как социально-экономического процесса позволяет сделать предположение об относительной независимости этого процесса от наличия или отсутствия в истории той или иной страны первоначального закрепощения в виде, характерном для вторичного закрепощения (то есть с преобладанием барщины и т. д.). Вполне вероятно, что в различных странах первоначальное закрепощение проходило в иных формах, и практически первой формой феодальной ренты была не отработочная, а натуральная (как, например, в Чехии).

Вторичное закрепощение надо рассматривать как самостоятельный социально-экономический процесс, который пережили все страны (или почти все страны — это предстоит еще исследовать), причем содержание этого процесса в основном одно и то же для всех стран. Вторичным же этот процесс закрепощения можно называть потому, что ему предшествовало на ранних стадиях феодализма в той или иной форме закрепощение крестьян.

Следовательно, термин «вторичное закрепощение» вполне правомерен, поскольку он выражает общую закономерность развития аграрных отношений. При исследовании ее, однако, важно учитывать, что в одних странах вторичное закрепощение проявилось лишь в зародыше, в других — как отчетливая тенденция, в третьих — как господствующая линия развития на десятилетия и даже столетия.

В свете высказанных нами соображений вряд ли целесообразно отказываться, как это предлагает Й. Валька, от характеристики целого периода в истории Чехословакии как периода становления и усиления вторичного закрепощения.

Предлагаемое нами решение ряда вопросов о вторичном закрепощении, разумеется, является предварительным. Но бесспорно, что всесторонний анализ социально-экономического процесса, который мы именуем сейчас вторичным закрепощением, позволит ученым прийти к установлению ряда новых закономерностей развития аграрных отношений в эпоху феодализма. Но уже сейчас необходим обмен мнениями по всем основным вопросам данной проблемы.

¹⁰⁰ Там же, стр. 323. См. «Přehled československých dějin». Т. I. Praha. 1958, стр. 407. Глава IX называется: «Период становления и усиления второго закрепощения (1620—1781)».